

С благодарностью Фрейе, которая помогла вспомнить...

1.

Когда старший инквизитор оторвал взгляд от пергамента в нем ничего не предвещало начало милой беседы. Писать донесение Его первосвятейшеству о том, как идет процесс очищения его благословенной земли от скверны и какие успехи достигнуты на этом поприще - дело довольно хлопотное. Особенно если вся скверна в округе уже давным давно превратилась в золу.

Когда его повысили до старшего инквизитора и отдали эти, забытые богом, земли в полное распоряжение - он радовался. Теперь представится возможность проявить себя, свои способности, возможно снискать милость в глазах епископа и тогда появится шанс на свое личное аббатство.

Как же давно это было...

Ох уж эта жара и ненавистные москиты.

Его пухлая ладонь часто била себя по бритой голове в надежде раздавить этих кровососущих болотных тварей. Пот пропитал льняную рясу, которая мерзко липла к телу и доставляла нестерпимый зуд.

Да, донесение...

Насколько удачный был прошлый год - настолько неудачный этот. Ни происков дьявола, ни заговоров от болезней и ведьмовской помощи скотине в разрешении бремени, ни избавления дворовых девок от их разгульной жизни с помощью мазей и отваров. Все меченые уже во всем раскаялись и подписали (пусть и с нашей помощью) обличающие признания. Все костры потухли и смыты дождем, а веревки виселиц уже так давно уныло качаются пустыми на ветру, что вызывают морскую болезнь.

Урожаи радуют, погода стоит на редкость удачная. Все хорошо. Вот только в его обязанности входит не то, чтобы было хорошо, а чтобы было плохо и очень плохо... И чем хуже обстоят дела во вверенных ему землях, - тем более он будет здесь нужен и тем тяжелее сундуки привезут казначеи епископа на следующий год.

2. Клавдий.

“Брат Клавдий?” - сборщик налогов нерешительно поднял глаза на худого высокого инквизитора, сидящего с ним рядом в телеге.

“Да, Марк? Извини задумался. Что ты сказал?” - сухой безжизненный голос инквизитора чужеродным звуком прорезал лесную чащу, по которой петляла еле различимая дорога.

“Брат Клавдий, это совсем глухое поселение. Всего несколько домов - там то и жителей почти не осталось. Одни старики, да старухи. Ни денег, ни жизни уже давно

нет там. Болота кругом. Чем они там живут не понятно. Грибами и лягушками питаются что ли? Может пока не поздно вернемся назад? Чего зря лошадей гонять?”

Инквизитор молчал, снова погрузившись в свои раздумья и сборщик налогов уже не решился его снова тревожить.

Уже смеркалось и усталые лошади, вяло тянущие телегу, ободрились, когда увидели робкие огни вдалеке и учуяли запах человеческого жилья.

У этого поселения (хотя поселение это можно было назвать с очень большой натяжкой) не было названия. На картах оно не значилось и в разговорах о нем люди чаще упоминали слово “там” и делали взмах рукой в сторону заросшей дороги.

Несколько покосившихся от времени домов с просевшими кровлями, не двойственно намекали, что хозяйские руки ушли отсюда очень и очень давно. Завалившиеся изгороди, сараи - все дряхлое затянутое мхом и лишайником, создавало стойкое ощущение нереальности происходящего. Клавдий ощущал запах сырости и гнили, многолетней и помнящей давно минувшие времена. Запах проникал везде, не давал сосредоточиться и приходилось усилием воли заставлять себя помнить зачем его сюда послали. Странное, почти мертвое место, которое не в силах оживить несколько, относительно уцелевших хижин на самой опушке леса. Там теплилась жизнь, горели лучины в окнах и над серыми трубами поднимался еле заметный дымок с еле уловимыми ароматами домашней стряпни.

Марк и сопровождавшие их гвардейцы, остановили лошадей и принялись разгружать скарб. Обратный путь в ночи по разбитой лесной дороге - это самоубийство. Придется ночевать здесь, как бы не хотелось обратного.

Лошади, получив порцию овса, стояли привязанные к остаткам изгороди и яростно отгоняли хвостами орду комаров. Солнце окончательно скрылось среди деревьев и на небе, в просвете крон, начали появляться первые звезды.

Клавдий не узнавал их. Что то не так. Он кожей чувствовал, что это не обычное место. Не такое, как другие поселения, где ему приходилось отрабатывать свои приказы. Ладно разберемся утром, думал он, размещаясь в небольшом походном шатре, заботливо установленном для него гвардейцами.

3. Диэра

Старуха умирала. Не так, как умирают люди со страхом в глазах и сожалением о несделанном... Она прожила долгую, полную тяжелых моментов жизнь, но ни о чем не жалела. Ей не удалось нажить богатств, да это было ей и не нужно. С детства ее мать рассказывала, как понимать язык животных, учила знанию о лекарственных растениях. Делилась странными неведомыми сочетаниям (с первого взгляда абсолютно чуждым) живого и неживого, которые произведенные в определенный день и в определенные время суток со странными оговорами - приводили к волшебным результатам. В те давние времена ее детские глаза широко раскрывались видя эти чудеса. Это была сказка, подобная тем, что рассказывала мать, когда солнце садилось, а лучину еще было не время зажигать. И сейчас сказка заканчивалась и начиналась снова, но не здесь и не с ней.

Единственное богатство старухи, ее внучка - сидела рядом, обхватив худые колени руками и неотрывно смотрела на бабушку, которая всю ее жизнь была ей и матерью, и учителем и лучшей подругой. Девочку звали Диэра. Вернее, так ее звала старуха. Другие, из оставшихся в поселении, жители - вовсе ее никак не звали. Она была всегда при старухе и к девочке относились, как к привязчивому коту, который следует за хозяином в надежде получить кусок рыбьего хвоста. Есть и есть, чего еще ее звать как то? На вид не пойми что, в каких то обносках, пусть и чистых, но явно с чужого плеча и не по размеру сшитых. Да у девчонки кое что получалось, конечно хуже чем у старой ведьмы, но все таки. И поэтому ее не обижали, иногда делились едой, иногда помогали залатать и без того издававший виды старенький дом.

С малых лет Диэра с легкостью могла найти потерявшихся в чаще коз. Только лишь прижавшись к шее рожавшей лошади - помогала той разродиться. Когда было засушливое лето, все знали, что нужно начинать петь. И слыша песню девочка начинала кружиться в танце, после которого обязательно начинался дождь и появлялась радуга. Она росла, а с возрастом росла и ее сила, но все меньше и меньше она показывала ее соседям. Так что к ней никто не относился серьезно. Вреда не делает, иногда помогает и на том спасибо.

Она была молчалива. Не вступала в разговоры, ограничиваясь улыбкой иль тихим смехом. Местные дети сторонились ее из за замкнутости, да и как с ней можно дружить если она предпочитала быть с безумной бабкой или же одной бродить по болотам и лесам, чем бегать со сверстниками купаться на реку и играть в игры.

Ей было 17 лет. В этом возрасте многие уже становились матерями, но ее это не интересовало. Она не пробиралась тайком, как другие девочки в соседние поселения, чтобы встречаться с юными парнями в тайне от родителей.

У нее был свой мир и свои правила. Она любила сидеть на обрыве у реки и смотреть на солнце, садящееся в крону леса, на зарождающиеся в небе звезды и спрашивала себя, что она здесь делает. То что все это для чего то нужно - она не сомневалась, но вот что именно должно произойти - было тайной...

Старуха сухой кистью сжала руку внучки и улыбнулась, мельком взглянула ей в глаза. В этом коротком взгляде было все: и невыразимая любовь, и тоска расставания, но было и еще, что то еле уловимое. То, что не выразить словами. "Держись милая. Немного осталось" - прокрипела старуха. Тяжело выдохнула воздух из груди и ее губы навсегда закрылись. Закатный блик солнца скользнул по морщинистым щекам старой женщины и увел ее за собой. Диэра стала сиротой и в этом мире. Рука в немом порыве до боли сжала подол юбки. Она обняла бабушку, поцеловала ее в стынувший лоб и закрыла ей глаза.

Около печи недовольно зашипел черный кот. А за окном, с другого конца поселения донесся лязг доспехов, скрип телеги и стук копыт.

4. Путь

Ему всегда нравились ножи. С детства. Он играл с ними, когда был еще совсем маленьким. Свой первый нож он нашел в грязи на обочине дороге, по которой часто проезжали конные отряды. Нож был очень старый и не лучшего качества. То ли это был нож кухарки, то ли мясника. Он был большой, неровный и сильно ржавый, но для Клавдия - он был великолепен. Его мелкая ладошка охватывала растрескавшуюся рукоять и он становился непобедимым в своих детских мечтах. Его рука без промаха разила великанов, драконов и посвящала этим клинком в рыцари.

Когда отец нашел нож у него под подушкой - он всыпал ему, так, что мальчик не мог сидеть несколько недель. Он не говорил, что вызвало его гнев, а просто бил Клавдия долго, методично, растягивая свое удовольствие от ощущения своего превосходства. У сына текли слезы, но не от боли. Он привык терпеть боль из-за частых побоев отца и взрослых мальчишек, которых так и подмывало задеть худого и на вид беззащитного мальчика с невыразительными глазами старика. Слезы текли по невымытой мордашке от понимания того, что его единственное сокровище - ржавый нож - ему больше не увидеть. Мальчик ничего не забывал и складывал обиды в дубовый сундук своей памяти, из которого, когда придет пора, он достанет долговые расписки и предъявит на погашение.

Став немного старше он устроился в подмастерье к кузнецу, но не из-за того, что ему нравилась эта профессия (хотя и было интересно). Истинная причина была в том, что в кузне были ножи. Разных форм и размеров. Дешевые и подороже. Ножи для быта и стоящие боевые клинки. Ночами, украдкой от кузнеца, он одалживал ножи и упражнялся с ними, подражая приемам ратников. Со временем его мастерство росло и в юность он вошел с неплохими навыками обращения с разными ножами.

Его сверстники обходили его стороной из-за неприятных совпадений, когда одни, особо дерзкие, вдруг случайно падали и напарывались на свои ножи, другие ночью были заколоты, как свиньи, в своих постелях неизвестным грабителем, а третьи просто бесследно исчезали.

Он продолжал упражняться в своем умении и к совершеннолетию мог поспорить на коротких клинках с лучшими воинами в близлежащих землях. Даже бывалые воины, подвыпившие в кабаке, предпочитали не задевать молчаливого угловатого паренька с жилистыми руками, взъерошенными волосами и недобрым лицом. Молва об его успехах разлеталась по округе и он ничуть не удивился, когда в один дождливый день к кузне подъехала повозка с гербом святой инквизиции и сухая старческая рука поманила его к себе...

5. Память

Клавдий проснулся, сам не понимая от чего.

Кровать была достаточно удобная, а дневная усталость еще полностью не покинула тело. Снаружи шатра раздевался ленивый перелив цикад и шелест крон спящих деревьев под робкими порывами ветра. Было жарко и влажно. Он поднялся и вышел из под навеса в ночной лес.

Дальние огни в окнах хлипких домиков уже давно погасли, а дым из труб улегся на ночлег в низинах. Его босые ноги стояли на еще чуть теплой земле и ощущали капельки росы на траве, и податливость, земли, давно не знавшей плуга.

Тягостное чувство начало подниматься в груди, но он не понимал откуда оно появилось. Что то волновало, тревожило. Клавдий поднял глаза на чужое звездное небо и ощутил, стремительно прорвавшую сердце, тоску по дому. Не по тому дому, где он родился и вырос, где познал сталь и тепло женского тела, а по тому далекому истинному дому, о котором он ничего не помнил, но который ждал и манил его в небесах. Сам того не осознавая он устремился по краю леса к размытым очертаниям дальних построек. Что то манило, влекло его туда.

Вот заканчивается покосившийся забор, разрушенный временем амбар, тропинка становится все уже и незаметней. И вот из ночной мглы выплывает последний, неказистого вида, дом с единственным маленьким окошком. Клавдий подходит к окошку (он словно смотрит на себя и свои действия со стороны. У него так было несколько раз в детстве, но взрослея - он забыл это необычное ощущение) и заглядывает внутрь. Надкусанная луна помогает ему разглядеть небольшую комнату, стол, печь в глубине помещения. Повинуясь неянвному зову - он поворачивает ржавое кольцо двери и входит внутрь. Что то черное с шипением отпрыгивает у него из под ног и он вздыхает с облегчением. Кот. Это всего лишь черный, старый кот, которого он потревожил во сне. В воздухе висит молочный запах неведомых трав и специй, кореньев и настоек в пузатых склянках, стоящих на косых полках вдоль стены.

Делая шаг в горницу - он замечает краем глаза кровать, наполовину скрытую занавеской и неестественно белые в лунном свете, голые старческие стопы, выглядывающие из под простыни. Он знает что человек мертв, но страха нет. Клавдий откидывает занавеску, преграждающую проход и видит, что рядом с покойницей старухой на колченогом стуле сидит девушка, обхватив свои голени руками и упершись подбородком в колени не отрываясь смотрит в пустоту перед собой.

Вся эта нереальная картина происходящего не пугает его. Он словно в тумане. Мысли текут медленно и неторопливо, спотыкаются, насккивают одна на одну. Он скользит взглядом по фигуре девушки и останавливает его на ее лице, наполовину скрытому россыпью золотых волос. Ее глаза...

Удар, крик. Стоны людей, отблески пожара... Кровь, много крови. Она повсюду - он смотрит на свои руки, сжимающие окровавленные нож. Или же это меч. Нет уже топор. Белый волк бросается на врагов и пронзенный стрелами, которые предназначались ему, падает на снег. Вулкан - его звали Вулкан. Его он нашел замерзающим щенком в лесу, когда после большой облавы, донесли конунгу, что лес очищен от волков... Предательство и потеря. Долгая дорога в поисках ее. Радость, любовь, неземная

любовь и снова боль потерь. Не удержал, не смог защитить! Вспышка света. Звезды, много звезд. Все кружится. Ее лицо, ее глаза, откуда он знал их? Всегда знал. Это же просто девчонка в далекой деревне! Что за калейдоскоп жизней перед глазами? Почему внутри его кричат тысячи голосов и тело вспоминает тысячи вариантов своих смертей? Ее глаза! Такие разные: живые, озорные, любящие, полные страсти, спящие, покрывающиеся покровом смерти глаза, в которых исчезает его отражение. Горящая ладья и она снова уходит от него вдаль. Полуобнаженная, в обрывках величественного платья она скачет на коне, в попытке скрыться, но они настигают ее, а он не может помешать им. Он уже мертв. Неведомые сооружения из металла и стекла, какие ему никогда не доводилось видеть нигде. Летающие механизмы и она в тонком золотом наряде, плотно облегающее ее стройное тело, спускается с небес, подобно Богине. Народы падают ниц в преклонение перед ней. Слезы заливают его лицо. Он падает на пол, сжимая свою голову руками в немом крике, от которого девушка поворачивает голову и когда видит его глаза - легкая улыбка трогает ее юные уста. Она узнала его.

6. Выбор

Когда мучительный туман рассеялся, первое что увидел Клавдий - были женские голые ступни, на расстоянии вытянутой руки от его лица. Гудела голова. Возможно от пережитых воспоминаний, возможно он ударился головой об пол при падении. Он поднял глаза вверх и увидел над собой полусклонившуюся девушку - ту, что сидела ранее возле мертвой старухи. Она держала его за плечо, так как держат голову недавно родившегося младенца. В этом поддержке было так много: забота, волнение, сопереживание и запредельная нежность, вместе с попыткой не упустить только только пробившиеся воспоминания. Так не касаются первого встречного. Да и не первого то же. Она смотрела на него молча, лишь робкая улыбка на устах выдавала то, что она чувствует к нему.

Кто она и почему ноги привели его к ней? Почему он оказался в этом, затерянном в неизвестности, месте и кто она, черт возьми, такая? Такая... Она была такой разной...

Клавдий замотал головой силясь прогнать вновь выползающие воспоминания не этой - но по видимому других жизней.

Она испугавшись его резкого движения, отступила прочь и убрала руку. Он видел, что ей не легко. На ее лице, словно в калейдоскопе отражались множество чувств и девушке было от этого явно не по себе. Пытаясь вернуть контроль над собой, она отвела взгляд и скрестив руки, обхватила себя за худые локти. Кот снова зашипел и выгнул спину дугой.

За окном раздались шаги и чья то тень закрыла лунный свет, лившийся из окна. Раздались голоса и Клавдий услышал: "Он здесь! Позовите Марка. Мы нашли его!".

Через секунду дверь слетела с петель от удара кованого сапога и в дом ввалилось несколько солдат. Раздалась ругань и вперед протиснулся коренастого вида человек, в котором Клавдий распознал Марка - королевского сборщика налогов.

“Ваше святейшество, мы думали Вы пропали. Караульные обнаружили Ваш пустой шатер и нашли запутанные следы, ведущие от полога в сторону леса. Вы не откликались на наши крики долгое время и мы подняли всех, чтобы прочесать лес и окрестности. И только сейчас смогли вас найти в этом проклятом доме” - Марк понизил голос осматривая стены с множеством склянок, вязанками трав и нанизанными на веревку ожерелье из мухоморов.

“Господь милосердный! Что здесь происходит?” - прошептал сборщик налогов, увидев забившуюся в угол девушку и мертвую старуху в свете исчезающей луны.

“Никак ведьма... Оморочила господина инквизитора... Посмотрите на него - не в себе он...” - перешептывались солдаты.

“Помогите господину Клавдию подняться и сопроводите в шатер. А ее... Ее свяжите! Завтра поутру еще раз все тут осмотрим, а затем отвезем ведьму в город к его святейшеству Старшему Инквизитору”.

“Не смей! Уберите от нее руки!” - прохрипел Клавдий и пошатнувшись попытался помешать гвардейцам, но силы покинули его и в беспамятстве он повалился вниз. Его подхватили и вынесли из дому. А она стояла и смотрела, как остальные солдаты с мерзкими сальными ухмылками и сыромятными ремнями в руках, медленно приближались к ней.

7. Казнь

Старший инквизитор довольно щурился, глядя на опускающееся за городскую стену солнце. Ничто не предвещало такой удачи, но видно бог услышал его молитвы и он не успел отправить годовой отчет Его перво святейшеству. Сбор налогов шел успешно, урожаи радовали, скот жирел, а вот то, за чем его сюда прислали (его прямая обязанность) - выявление и исправление заблудших темных душ - в последние месяцы хромало. Да что там хромало - полностью было провалено...

И вот он сейчас с улыбкой смотрел с высоты балкона своей спальни вниз на рыночную площадь, где чумной столб был уже обложен со всех сторон сухими ветвями, а стражники выстраивались по периметру, оттесняя любопытных в сторону к краю торговых шатров.

“А Клавдий все таки оказался полезным” - думал инквизитор. Привез (хоть и сам был в беспамятстве) из глуши ведьму, которых уже давным давно не попадалось в святые руки служителей господних. Возможно стоит выписать ему награду и дать несколько дней отдыха, ведь шепчутся, что при поимке случилось с ним что то - духом пострадал иль головою. Ладно позже разберемся. Дело почти сделано и донесение можно отправлять уже с хорошими новостями. А на будущее надо быть порасторопней и не откладывать все на конец года.

На площади усилился шум и свесившись через перила, старший инквизитор заметил, как из за угла замковой стены вышла процессия. Во главе шествовал местный епископ, неся золотой крест, отливающий красным от заката, за ним мелкая церковная служка с благовониями и святыми писаниями. Следом шел отряд гвардейцев, на цепи тянувших за собой худую девушку.

“Ведьма! На костер ее!” - раздались крики черни и в Диэру полетели куски грязи, объедки еды и прочий мусор. Особо смелые пытались дотянуться до нее палками, но были оттеснены стражей. Замыкали шествие несколько инквизиторов разного ранга, среди которых, почему то, сильно выделялись угловатая фигура Клавдия.

“Да, походу надо отправить его на отдых. Надорвался видать или чары какие навела на него мерзавка”- отметил про себя старый инквизитор.

Девушку привязали к столбу. Ее грязное, местами порванное платье почти сливалось в наступающих сумерках со стеной, но лицо было четко видно. На нем не было страха, который не раз приходилось видеть старшему инквизитору в подобных случаях. Несколькоими днями ранее, заплечных дел мастеру так и не удалось получить от нее признания в колдовстве, несмотря на все его ухищрения, от которых и у более сильных, смелых и дерзких - мигом развязывались языки. Ну что ж - так даже лучше. Молчание на костре - это самое лучшее признание в черных деяниях.

Епископ читал молитву. Клавдий стоял в стороне от него, рядом с гвардейцами. Толпа начала распалаться от предвкушения казни. Их вопли и требования сжечь ведьму становились все громче и старший инквизитор махнул платком, давая сигнал приступить.

Казнь должен был провести он. Это было личное распоряжение его святейшества. Клавдий старался не попадаться ему на глаза, но до того дошли слухи о произошедшем в хижине, а посему нет лучшего способа избавиться от колдовства, чем собственноручно отправить ведьму на костер. То что творилось в подземельях и какие пытки пришлось выдержать девушке - Клавдий старался об этом не думать.

“Все идет не так. Этого не должно было произойти. Она же не ведьма. Так деревенская девчонка, немного знающая травы и как ими лечить хвори. От нее же вреда нет никакого. Бабка да - умела, что то темное, со слов соседей, но не она - она же почти еще дитя, не смотря на уже начавшиеся наливать соками тело... Да и глаза... Ее глаза - это дверь между мирами. Дверь, которую он искал так долго”.

С момента приезда в замок, он несколько раз мельком видел ее. При их встречи девушка не произнесла ни слова, только грустно улыбалась своим мыслям или же глядя на Клавдия, будто вспоминала что то и ее губы безмолвно чуть шевелились, словно проговаривая какие то, ведомые только ей, слова. Церковные бабки, осмотрев

девушку нашли у нее на теле несколько крупных родинок и единогласно подтвердили, что она имеет отметины дьявола. Приговор был вынесен и без признания вины, без фактов наведения порчи или другого вреда. Но на костре должен был кто то гореть и этот кто то должен был быть найден любой ценой.

Сухие ветви полили маслом и стражник кинул в костер чадящий факел. Огонь занялся, но как то неохотно, как то вымученно. Не смотря на усиливающийся ветер, солдатам пришлось приложить усилия, прежде чем ветви начали гореть и давать жар.

Она смотрела на огонь, как то отстраненно, будто это происходило не с ней, а с кем то другим, кого она совершенно не знала. Подол ее длинного платья начал дымить и вскоре пламя лизнуло белую кожу ног. Диара чуть скривилась, но не произнесла ни слова. Боли в обычном понимании не было. Словно тело вдруг стало не ее. Разум понимал, что она - Дизра горит и кричал от этого, но душа была равнодушна к происходящему и находилась, где то далеко.

Кожа на ее ступнях начала темнеть от жара, трескаться, запахло горелым, вскипая потекла вниз темная кровь, издавая режущее слух шипение при соприкосновении с углями.

Сквозь веки она видела, как он подошел к ней и начал зачитывать, положенное в данных случаях обращение, с призывом отречься, признать вину и облегчить свои страдания. Смысл слов улетал в пустоту, не достигая сознания.

Она чувствовала, что его слова выходили натужно, а пересохшее горло не желало издавать звуки, глаза слезились не от дыма (так думали зеваки), а от внутренней, рвущей сердце боли, которую она чувствовала сполна.

Другим зрением (или ей это только показалось) она увидела, что он сам начинает гореть вместе с ней, но горело не его тело - он был далеко от огня - начала гореть его душа и свет этого внутреннего пламени был намного ярче отблесков костра в его глазах. Это был тот пожар, который был много раз потушен смертью в других мирах, когда он искал ее и который так и не смог разгореться в этой жизни.

Она чувствовала, что сейчас он начинает жить. И именно она стала той соломинкой от которого загорелось его внутренний пламя.

Толпа ждала представления, но его не было - то что происходило случалось впервые. Ни криков боли, ни воплей раскаяния с мольбами о помиловании и признания всех своих грехов.

Ветер принялся натужно завывать среди шпилей башен и ночное небо начало затягивать невесть откуда взявшимися тучи. Надвигалась гроза.

8. Освобождение

Штормовой ветер, рвал огонь в клочья. Пламя пожирало плоть девушки с яростным аппетитом и уже нельзя было различить, где ее ноги, а где бушующая стихия. Несколько вспышек молний осветили ночное небо и начался дождь. Его сперва робкие капли теперь превращались в яростные струи. Толпа недовольно ворчала, но не спешила расходиться. Огонь, так и не успев насытиться, начал успокаиваться, пока не превратился в тлеющие угли.

Клавдий старался не смотреть вниз.

Он понимал, что с такими ранами выжить невозможно. Та, которую он любил всегда - во всем мирах и всех жизнях - снова уходит от него. Это было невыносимо. Весь окружающий мир поблек, превратился в серую массу, хаотично наложенных на холст, мазков краски. Осталось только ее лицо и смотрящие на него глаза. Он увидел, как они начали затягиваться пеленой беспамятства. Тело Диэры умирало.

Она находилась среди звезд. Было легко и свободно. Более ее ничто не сдерживало и не ограничивало. Не было ни верха ни низа. Ни тела, ни боли, ни обиды. Она оказалась дома или же на пути домой. Но осталось ощущение чего то незавершенного, чего то очень очень важного. То что ее держало и не давало ей двигаться дальше.

“Клавдий”.

Это имя всплыло в сознании, будто порыв ветра разметал осенние листья в лесу, обнажая темную землю.

“Клавдий”.

Его звали по разному, как и ее, но сейчас он остался там один на один с этим Именем и ей нужно было завершить то, что должно быть завершено.

“Держись милая. Немного осталось” - вспомнила Диэра последние слова старухи и ей все стало ясно. Она поняла, что ей нужно сделать перед тем, как уйти. Усилием воли она потянулась сквозь ткань иного пространства к нему. Ее бесплотные руки искали его, перебирали нити судеб и времени, истончали пространство. И она смогла найти его среди миллиардов миров - объятую внутренним пламенем фигуру в темном плаще на площади под дождем. Молнией она скользнула в уже чужое тело, привязанное к столбу и на нее накатила вся накопленная там боль. Тело выгнулось дугой, веревки впились в юное тело и первый раз в жизни она закричала...

В этом крике была не только нечеловеческая мука тела. Здесь были и память прошлых жизней и все ошибки, все невыполненные обещания - все то, что заставляло душу вновь и вновь проходить через различный опыт методом проб и ошибок, нащупывая истинный правильный путь. В крике была и память о нем. Уже много тысяч жизней они шли вместе. Как друзья, родичи, соратники и любящие супруги. Вариантов их пути было бессчетное множество - но это не имело значения - главное, что они были вместе. Но сейчас она уходила, а он оставался там - в чужом мире, служа чужому богу. И ее душа сделала то, чего раньше никогда не делала - она рванулась к нему и через взгляд вошла в тело Клавдия растворяясь в нем.

Ее крик вернул его в эту реальность он увидел, как расширились ее зрачки и что то невидимое глазам, от нее перешло к нему. Это нельзя описать словами...

Все то, чего он был лишен в этой и прошлых жизнях - встроилось в него, заполнило все пустоты, сделало его целостным. Он глубоко вздохнул, чувствуя, как новая жизнь наполняет его легкие. Это была радость от которой хочется летать и ничто не может помешать этому. И легкий шелест ее голоса в голове: "Любовь моя, теперь мы будем вместе! Пойдем со мной!".

Его движение было неуловимо для глаз окружающих. Резким коротким ударом в висок он уложил ближайшего стражника, а у второго вырвал из рук длинное копье с широким лезвием и с криком "Я иду к тебе" - глубоко вонзил сталь в основание шеи девушки. Ее голова откинулась назад, а затем медленно вернулась к нему. Она улыбнулась и ее прекрасные глаза навсегда закрылись.

Он повернулся к балкону, на котором сидел старший инквизитор, яростно сломал копье об колено и кинул его на землю. Развернулся и медленно пошел прочь от площади. Никто не решился остановить его. Над площадью повисла полная тишина, лишь нарушаемая звуками его шагов и ударами капель дождя по скатам крыш.

"Ваше перво святейшество" - старший инквизитор заканчивал свое донесение, царапая пером сухой пергамент. "С прискорбием сообщаю Вам, что мы потеряли нашего лучшего инквизитора - Клавдия. И не только в этой жизни..."

А Они кружились в своем вечном танце среди звезд, то сливаясь и растворяясь друг в друге, то разделяясь вновь, чтобы взглянуть друг другу в глаза и увидеть там свои отражения.